

МАРИЯ МАРЦЕВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТАИСИИ ЦВЕТКОВОЙ

ЦВЕТОЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ И УСАТЫЙ СЫЩИК

Мария Марцева

Приключения Таисии Цветковой. Цветочный детектив и усатый сыщик

<https://litres.ru/74021214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бухгалтер Таисия Цветкова и рыжий кот Персик — самый необычный детективный дуэт! Три захватывающих расследования в одной книге.

В «Деле о фальшивых счетах» обычная подработка оборачивается смертельной игрой: подброшенный жучок, исчезнувшая коллега и подпольная фабрика фальшивок, за которой стоит влиятельный покровитель. В «Цветочном детективе» анонимный букет белых лилий с запиской-угрозой запускает зловещий отсчёт, а спрятанный в стеблях шифр ведёт к мстителю из прошлого. В «Дебете, кредите и кошачьих когтях» тихий лесной санаторий скрывает наркосеть, мёртвые души в отчётах и убийство.

Таисия раскручивает аферы дотошным бухгалтерским умом, а Персик чувствует беду раньше людей — и не раз спасает хозяйке

жизнь. Уютный ироничный детектив с обаятельными героями, закрученной интригой и непременно счастливым финалом.

Содержание

Мяуканье в полночь, или Дело о фальшивых счетах	5
Глава 1. Станный заказчик	5
Глава 2. Персик и тревожная ночь	16
Глава 3. Призрак в офисе	24
Глава 4. Бывший главбух	33
Глава 5. Фальшивые печати	44
Глава 6. Кот в вентиляции	55
Глава 7. Шантаж по телефону	65
Глава 8. Тайный сейф	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мария Марцева

Приключения Таисии Цветковой. Цветочный детектив и усатый сыщик

Мяуканье в полночь, или Дело о фальшивых счетах

Глава 1. Странный заказчик

Утро понедельника началось с того, что мой рыжий кот Персик уронил со стола чашку с недопитым кофе, и коричневая лужа растеклась прямо по распечатке квартального отчёта, над которым я корпела до глубокой ночи.

— Персик! — взвыла я, хватая полотенце. — Ты вообще понимаешь, что наделал? Я этот отчёт три раза переделывала!

Кот посмотрел на меня с видом оскорблённого аристократа, неторопливо облизал лапу и отвернулся к окну, всем своим пушистым существом давая понять, что виноватой здесь

себя не считает. И вообще, мол, нечего было оставлять чашку на самом краю стола, где всякий уважающий себя кот просто обязан её столкнуть.

Я тяжело вздохнула и принялась промокать бумаги. Меня зовут Таисия Петровна Цветкова, мне тридцать два года, и я работаю бухгалтером. Точнее, работала — три месяца назад фирма, в которой я честно трудилась семь лет, благополучно обанкротилась, и я оказалась на вольных хлебах. Теперь перебиваюсь подработками: то одному предпринимателю баланс свожу, то другому декларацию помогаю составить, то третьему распутываю клубок, который он сам себе намотал из-за нежелания платить нормальному специалисту.

Жизнь моя, прямо скажем, не баловала роскошью. Однокомнатная квартира на окраине, доставшаяся от бабушки, старенький ноутбук да рыжий разбойник Персик — вот и всё моё богатство. Зато я была свободна как ветер, и сама себе хозяйка, что после семи лет работы под начальством вечно недовольного директора казалось мне почти счастьем.

Кофе я допивать не стала — Персик позаботился о том, чтобы остатки украсили мой отчёт. Заварила новую чашку, села за стол и открыла электронную почту. И вот тут-то всё и началось.

Среди обычного спама про чудо-таблетки и предложений взять кредит под смешные проценты обнаружилось письмо с темой: «Срочно требуется бухгалтер. Хорошая оплата».

«Хорошая оплата» — два слова, которые в моём нынеш-

нем положении звучали как музыка ангелов. Я тут же открыла письмо.

«Уважаемая Таисия Петровна! — гласило послание. — Нам порекомендовал вас Сергей Иванович Курочкин как опытного и, главное, неболтливого специалиста. Наша компания "Триумф-Логистик" нуждается в срочной помощи по приведению в порядок бухгалтерской отчётности. Прежний главный бухгалтер уволился внезапно, оставив дела в беспорядке. Оплата — двойной тариф плюс премия по результатам. Просим связаться с нами как можно скорее. С уважением, генеральный директор Аркадий Львович Бубнов».

Я перечитала письмо дважды. Сергей Иванович Курочкин был моим бывшим коллегой, человеком исключительно порядочным, и его рекомендация дорогого стоила. А вот слово «неболтливого» меня слегка царапнуло. Зачем бухгалтеру быть неболтливым? Считай себе цифры да своди дебет с кредитом — какие тут разговоры?

Персик, словно прочитав мои мысли, спрыгнул с подоконника, подошёл к столу и уставился на экран ноутбука зелёными глазищами. Потом вдруг зашипел.

— Ты чего, рыжий? — удивилась я. — Это всего лишь письмо.

Кот шипеть перестал, но смотрел на экран с явным неодобрением. Должна признаться, у моего Персика на редкость развита интуиция. Бабушка моя, царствие ей небесное, всегда говорила, что рыжие коты — особенные, что они чув-

ствуют беду раньше людей. Я в эти сказки не очень-то верила, но за годы жизни с Персиком убедилась: если кот недоволен — значит, не зря.

Однако двойной тариф плюс премия перевесили кошачьи опасения. В конце концов, у меня скопились долги по коммуналке, а Персик жрал дорогой корм для привередливых котов — обычный он презрительно отвергал, демонстративно закапывая миску.

Я набрала указанный в письме номер. После двух гудков ответил приятный мужской баритон:

— «Триумф-Логистик», слушаю вас.

— Здравствуйте, это Таисия Цветкова. Вы присылали мне предложение о работе.

— Таисия Петровна! — обрадовался голос. — Прекрасно, прекрасно. Аркадий Львович, директор. Когда сможете подъехать? Дело, понимаете ли, не терпит отлагательств. Налоговая на пятки наступает.

Мы договорились на следующее утро. Бубнов продиктовал адрес — какой-то бизнес-центр в промышленной зоне на востоке города — и положил трубку прежде, чем я успела задать хоть один вопрос.

— Ну вот, Персик, — сказала я коту, — кажется, нас ждёт работёнка. Глядишь, и на твой деликатесный корм заработаем, и долги закроем.

Персик в ответ запрыгнул на холодильник — своё любимое место для медитаций — и уставился на меня сверху вниз

с выражением: «Помяни моё слово, хозяйка, добром это не кончится».

Утром следующего дня я, нарядившись в строгий деловой костюм, который надевала по особо торжественным случаям, отправилась в «Триумф-Логистик».

Бизнес-центр оказался обшарпанным трёхэтажным зданием, явно знававшим лучшие времена. Вывеска с названием компании висела криво, одна буква мигала, как будто здание подмигивало посетителям. Вокруг — заброшенные склады, ржавые контейнеры и ни одной живой души.

«Странное место для триумфа», — подумала я, поднимаясь по растрескавшимся ступеням.

Офис «Триумф-Логистик» располагался на втором этаже. Внутри, против моих ожиданий, было чисто и даже дорого — кожаные кресла, новенькие компьютеры, картины на стенах. Контраст с фасадом был разительный.

Меня встретила секретарша — крашеная блондинка лет сорока с причёской такой высоты, что я невольно подумала, не выют ли там гнёзда птицы. Звали её Виолетта.

— Вы к Аркадию Львовичу? — спросила она, оглядев меня с ног до головы оценивающим взглядом. — Проходите, он ждёт.

Кабинет директора был обставлен с купеческим размахом. За огромным столом красного дерева восседал сам Аркадий Львович Бубнов — мужчина лет пятидесяти, грузный, лысоватый, с цепким взглядом маленьких глазок и неесте-

ственно широкой улыбкой.

— Таисия Петровна! — он поднялся и протянул мне пухлую руку, унизанную перстнями. — Очень рад. Присаживайтесь.

Я села. Бубнов плюхнулся обратно в кресло, которое жалобно скрипнуло под его весом.

— Итак, ситуация у нас, прямо скажем, аховая, — начал он, постукивая пальцами по столу. — Бывший наш главбух, Ниночка, уволилась как-то уж очень поспешно. Бросила всё и сбежала. А у нас тут такой кавардак — мама дорогая! Налоговая проверка на носу, а отчётность в полном раздрае.

— А почему она уволилась? — поинтересовалась я.

Бубнов на секунду запнулся, его улыбка стала чуть менее широкой.

— Да кто ж её знает, — он развёл руками. — Семейные обстоятельства, говорят. Уехала к матери в деревню. Бабы — они такие, непостоянные.

Меня покорило это «бабы», но я промолчала. Двойной тариф, напомнила я себе. Двойной тариф плюс премия.

— Хорошо, — кивнула я. — Покажите мне документацию.

Бубнов нажал кнопку селектора:

— Виолетта, проводи Таисию Петровну в бухгалтерию.

Бухгалтерия оказалась небольшой комнаткой в конце коридора, заставленной шкафами с папками. На столе громоздились стопки бумаг, рядом — компьютер.

— Вот, располагайтесь, — сказала Виолетта и удалилась, цокая каблучками.

Я села за стол и принялась изучать документы. И чем дольше изучала, тем больше хмурилась.

Что-то было не так. Очень не так.

Во-первых, обороты компании по бумагам были просто фантастические — «Триумф-Логистик» якобы перевозила грузы на десятки миллионов рублей в месяц. Но при этом ни складов своих, ни машин у фирмы не было — всё, судя по документам, арендовалось у каких-то странных контор с названиями вроде «Вектор-Плюс» и «Стройинвест-Гарант».

Во-вторых, контрагенты. Я выписала их названия и пробила пару штук по открытым базам данных прямо со своего телефона. Результат меня насторожил: половина фирм была зарегистрирована совсем недавно, по одному и тому же адресу, и у всех директором числился некий Петров П. П. — явная подставная фигура.

В-третьих, и это было самое тревожное, в счетах-фактурах я заметила странности с печатями. Они были чуть-чуть разными — то контур толще, то буквы съезжали. Будто их штамповали не одной печатью, а несколькими, очень похожими.

Я откинулась на спинку стула. Картина вырисовывалась преотвратная. Похоже, «Триумф-Логистик» была не логистической компанией, а так называемой «прачечной» — фирмой для отмыwania денег и обналачки. А меня позва-

ли, чтобы я причесала эту красоту перед налоговой проверкой и, возможно, взяла на себя ответственность, если что-то всплывёт.

«Неболтливый специалист». Вот оно что.

Я уже собралась было встать, дойти до кабинета Бубнова и вежливо отказаться от работы, сославшись на занятость, как вдруг в кармане завибрировал телефон. Звонила соседка, баба Шура, которой я оставила запасные ключи на случай форс-мажора.

— Таисенька! — затараторила старушка. — Ты где? Тут твой кот концерт устроил! Орёт как резаный, на весь подъезд! Я уж и корму ему насыпала, и водички налила — не успокаивается! Мечется по квартире, на дверь кидается. Может, заболел?

Сердце моё сжалось. Персик никогда так себя не вёл.

— Иду, баба Шура! Уже бегу!

Я схватила сумку. И в этот момент взгляд мой упал на одну из папок, которую я ещё не открывала. На корешке значилось: «Договоры за прошлый год. Архив». Сама не знаю почему — может, интуиция, унаследованная от рыжего питомца, — я сунула эту папку в свою сумку. Просто чтобы изучить дома, в спокойной обстановке.

В коридоре я столкнулась с Виолеттой.

— Уже уходите? — удивилась она.

— Срочное дело, — пробормотала я. — Завтра продолжу.

— Аркадий Львович будет недоволен, — поджала губы

секретарша.

— Извините, форс-мажор.

Я почти бегом спустилась по лестнице и поймала такси. Всю дорогу домой меня не отпускало тревожное чувство. Станный заказчик, подозрительная отчётность, сбежавшая главбух, орущий кот... Всё это складывалось в какую-то нехорошую мозаику.

Дома меня встретил Персик. Увидев хозяйку, он перестал метаться, подбежал, ткнулся головой в мои ноги и тихонько мяукнул — уже совсем не истерично, а как-то облегчённо.

— Ну что ты, рыжий, что ты, — я подхватила его на руки. Кот дрожал. — Что случилось, а?

Баба Шура, переминавшаяся в дверях, развела руками:

— Как с цепи сорвался, ей-богу. Минут сорок орал. А как ты во двор зашла — сразу затих. Чует он тебя, что ли?

Когда соседка ушла, я налила Персику молока, села на диван и достала из сумки прихваченную папку. Кот тут же запрыгнул рядом и принялся обнюхивать бумаги, будто понимая, что в них кроется что-то важное.

Я открыла папку — и обомлела.

Между обычными договорами лежал сложенный вчетверо листок. Развернув его, я увидела торопливые строчки, написанные женской рукой:

«Если вы это читаете, значит, я не успела. Они узнали, что я всё поняла. Печати поддельные, фирмы фиктивные, деньги идут не туда. Бубнов — не главный. Главный приходит

по ночам. Я слышала его, но не видела. Бойтесь полуночи. Берегите себя. Н.»

У меня похолодело внутри. «Н.» — это, должно быть, Нина, та самая сбежавшая главбух. Только теперь я уже сильно сомневалась, что она уехала к матери в деревню.

Персик вдруг поднял голову, насторожил уши и уставился на дверь. Шерсть на загривке у него встала дыбом, и он издал низкий, утробный звук — почти рычание.

Я невольно проследила за его взглядом. За дверью было тихо. Только часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды.

— Бойтесь полуночи, — прошептала я, перечитывая записку.

И поняла, что влипла в историю, из которой так просто не выберешься. Двойной тариф плюс премия обещали обернуться чем-то куда более серьёзным, чем обычная бухгалтерская подработка.

Персик перестал рычать, повернулся ко мне и посмотрел долгим, выразительным взглядом, в котором ясно читалось: «Я же тебе говорил, хозяйка».

— Говорил, говорил, — вздохнула я, прижимая к себе тёплый рыжий комок. — Ну что, разбойник? Похоже, нам с тобой предстоит распутать одно очень странное дело.

Кот в ответ замурлыкал — то ли соглашаясь, то ли просто радуясь, что хозяйка наконец дома. А за окном медленно сгущались сумерки, и до полуночи оставалось всё меньше

времени.

Глава 2. Персик и тревожная ночь

Ту ночь я провела отвратительно. Записка таинственной Нины не выходила у меня из головы. «Главный приходит по ночам. Бойтесь полуночи». Что это значило? Какой-то ночной визитёр в офисе «Триумф-Логистик»? Или это иносказание, метафора, которую перепуганная женщина зашифровала в своих последних словах?

Я ворочалась с боку на бок, прокручивая в памяти события дня. Персик, против обыкновения, не спал в ногах, а устроился на подоконнике и неотрывно смотрел в темноту за стеклом, будто часовой на посту. Время от времени он поводил ушами и тихо урчал — нехорошо так урчал, тревожно.

Уснула я только под утро, провалившись в тяжёлый, мутный сон, в котором огромные печати с расплывчатыми буквами штамповали меня по лбу, а где-то вдалеке выла собака.

И вот тут-то всё и началось по-настоящему.

Меня разбудил истошный кошачий вопль. Я подскочила на кровати, сердце колотилось как сумасшедшее. Персик стоял посреди комнаты, выгнув спину дугой, и орал — протяжно, душераздирающе, как будто его режут.

— Персик! — я нашарила выключатель. — Ты чего, рыжий?!

Кот замолчал, едва вспыхнул свет, и посмотрел на меня

странным, осмысленным взглядом. Потом подошёл к настенным часам и сел под ними, задрав морду вверх.

Я взглянула на циферблат и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Ровно полночь. Двенадцать часов ночи. Стрелки сошлись на двенадцати, как два пальца, указующих вверх.

— Совпадение, — пробормотала я вслух, скорее, чтобы успокоить себя, чем потому, что верила в это. — Просто совпадение. Тебе кошмар приснился, да, рыжий? Котам ведь тоже снятся кошмары.

Персик мяукнул — коротко, недовольно — и потрусил на кухню, к своей миске. Я налила ему молока, погладила, и кот вроде бы успокоился. Я вернулась в постель, но сон уже не шёл. До самого рассвета я просидела с ноутбуком, пытаюсь разузнать побольше о «Триумф-Логистик» и её контрагентах.

Информации было до обидного мало. Фирма зарегистрирована полтора года назад. Учредитель — некое ООО «Холдинг-Капитал», за которым, как за матрёшкой, пряталась ещё одна фирма, а за ней ещё одна. Классическая схема, когда настоящего хозяина не доищешься.

Утром я позвонила своему бывшему коллеге Сергею Ивановичу Курочкину — тому самому, который якобы рекомендовал меня Бубнову.

— Серёжа, привет, это Тася Цветкова.

— Тасенька! — обрадовался Курочкин. — Сколько лет,

сколько зим! Как сама?

— Да вот, перебиваюсь. Серёж, у меня к тебе вопрос. Ты меня рекомендовал в фирму «Триумф-Логистик»? Некому Бубнову Аркадию Львовичу?

В трубке повисла пауза.

— Тася, — медленно произнёс Курочкин, — я не знаю никакого Бубнова. И ни в какую логистику тебя не рекомендовал. С чего ты взяла?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Он написал, что ты дал ему мой контакт... Назвал тебя по имени-отчеству...

— Тася, послушай меня внимательно, — голос Курочкина стал серьёзным. — Если кто-то прикрывается моим именем, это очень плохой знак. Я в этом городе всех приличных бухгалтеров знаю, и ни про какой «Триумф-Логистик» слыхом не слыхивал. Откуда они вообще твой контакт взяли?

— Не знаю, — честно ответила я.

— Знаешь что? Держись от них подальше. Чует моё сердце, это какая-то мутная контора.

Я поблагодарила Серёжу и положила трубку. Сердце моё ушло в пятки. Значит, рекомендация была фальшивой. Кто-то специально выбрал меня, специально придумал, будто меня порекомендовал Курочкин, чтобы я не насторожилась. Но откуда они узнали, что мы с Серёжей знакомы?

Персик запрыгнул на стол и улёгся прямо на клавиатуру ноутбука, как он любил делать в самые ответственные мо-

менты.

— Слезь, рыжий, — я попыталась его согнать, но кот только потянулся и зевнул, демонстрируя розовую пасть и острые зубы. — Ну вот что мне с тобой делать?

Спихнув наконец кота, я задумалась. Логика подсказывала: бросить всё, не возвращаться в офис, забыть про двойной тариф. Но любопытство — а главное, мысль о пропавшей Нине, которая, возможно, попала в беду, — не давали мне покоя. К тому же папку с её запиской я унесла. Если они хватятся документов, то первым делом подумают на меня.

Нет, отступить было поздно. Раз уж влезла, надо разобраться.

Вторая ночь повторила первую с пугающей точностью. Ровно в полночь Персик снова заорал, выгнув спину и уставился на часы. На этот раз я уже не спала — караулила. И когда кот завыл, я сама вздрогнула так, что чуть не упала со стула.

— Двенадцать ровно, — прошептала я, глядя на циферблат. — Персик, ты что, время по часам определять научился?

Кот не ответил, только сверкнул зелёными глазами. Я обняла его, чувствуя, как мелко дрожит пушистое тельце.

И тут меня осенило. А что, если дело не в часах? Что, если Персик реагирует на что-то конкретное — на звук, на запах, на что-то, что происходит каждую ночь именно в полночь?

Я прислушалась. Тишина. Только где-то за стеной мерно

капала вода из крана у соседей да гудел холодильник. Ничего необычного.

Но Персик-то что-то слышал. Или чувствовал.

На третью ночь я подготовилась основательно. Поставила на телефон диктофон, выключила холодильник, заткнула все источники шума и села в кресло, обняв кота, ровно без четверти двенадцать.

Минуты тянулись мучительно. Без пяти двенадцать. Без трёх. Без одной.

И ровно в полночь Персик напрягся, привстал у меня на коленях, наострил уши — и заорал.

А я в этот момент услышала.

Тихий, едва уловимый звук. Не из квартиры. Из телефона. Точнее, из того старого кнопочного телефона, который я держала специально для рабочих контактов — на него и пришёл когда-то номер «Триумф-Логистик». Аппарат лежал на столе и... вибрировал. Беззвучно вибрировал, без звонка, без высвечивания номера. Просто короткие толчки, как будто кто-то посылал на него скрытый сигнал.

Я схватила телефон. Экран был тёмным. Никаких входящих, никаких сообщений. Но аппарат явно что-то принимал — это чувствовалось по лёгкой дрожи корпуса.

— Что за чертовщина? — пробормотала я.

Персик спрыгнул на стол и принялся бить лапой по телефону, явно требуя, чтобы я что-то с ним сделала.

Я выключила аппарат совсем, вытащила батарею. Вибра-

ция прекратилась. Персик тут же успокоился, сел и принялся умываться с видом кота, выполнившего важную миссию.

— Так вот в чём дело, — медленно проговорила я. — Этот телефон... в него что-то встроено? Какой-то жучок? Маячок?

Сердце колотилось. Получалось, что мне всучили телефон — а ведь номер «Триумф-Логистик» пришёл именно на него, и именно по нему я звонила Бубнову. Стоп. Откуда у меня вообще этот аппарат?

Я напрягла память. Телефон появился у меня недели две назад. Я нашла его в почтовом ящике — без записки, в простой коробке. Подумала тогда, что это рекламная акция какого-нибудь оператора: дескать, дарят дешёвые трубки, чтобы заманить на тариф. Симку я в него вставила свою, старую, запасную. И спокойно пользовалась.

А оказалось — мне его подбросили. Специально. Чтобы следить.

Меня прошиб холодный пот. Значит, за мной наблюдали ещё до того, как пришло письмо от Бубнова. Меня выбрали заранее, изучили, узнали про знакомство с Курочкиным, подсунули телефон с жучком... Но зачем? Зачем им именно я, рядовой безработный бухгалтер?

Утром я первым делом отнесла подозрительный аппарат знакомому — Вадиму, племяннику бабы Шуры, который чинил всякую электронику и в проводах разбирался лучше, чем я в проводках бухгалтерских.

Вадим, лохматый парень лет двадцати пяти, разобрал телефон за пять минут и присвистнул.

— Ну, тётя Тася, вы попали, — сказал он, демонстрируя крошечную плату, припаянную к внутренностям аппарата. — Это не простой телефон. Сюда воткнули микрофон и передатчик. Он не только ваше местоположение сливает, но и слушает всё, что рядом происходит. И активируется по ночам — видать, чтоб батарею не сажать. Передаёт накопленное за сутки разом, в полночь. Поэтому он у вас и вибрировал — сеанс связи.

— В полночь, — эхом отозвалась я.

«Бойтесь полуночи». Так вот что имела в виду Нина! Никакого мистического ночного гостя не было. Был сеанс связи шпионской аппаратуры — у неё, видимо, тоже стоял такой жучок. Только она приняла вибрацию и щелчки за чьё-то незримое присутствие.

А мой Персик — мой удивительный рыжий Персик — слышал ультразвук или какие-то высокие частоты передатчика, недоступные человеческому уху. И честно предупреждал меня три ночи подряд.

— Вадик, — сказала я, — а можно сделать так, чтобы они думали, будто я ничего не заметила? Чтобы телефон работал, но я могла его контролировать?

Парень ухмыльнулся:

— Можно. Поставлю выключатель на микрофон. Захотите — пусть слушают тишину. Захотите — скормите им что

нужно. Хитро придумано, тётя Тася.

— Это не я придумала, — я погладила Персика, который восседал на столе и наблюдал за разборкой телефона с видом главного инженера. — Это всё он, рыжий разбойник.

Кот зажмурился и довольно заурчал.

Возвращаясь домой с «отремонтированным» телефоном, я уже знала: отступать нельзя. Кто-то затеял против меня сложную, продуманную игру. Меня выбрали как пешку — удобную, одинокую, в долгах, готовую взяться за подозрительную работу за двойной тариф. Меня хотели сделать козлом отпущения в схеме «Триумф-Логистик».

Но они не учли одного. У этой пешки был защитник — пушистый, рыжий и невероятно чуткий.

— Ну что, Персик, — сказала я, входя в квартиру, — теперь наша очередь следить за ними. Поиграем в их игру по нашим правилам.

Кот прыгнул на пол, прошёлся к окну и посмотрел на меня через плечо тем самым взглядом, в котором читалось привычное: «Я же говорил, что добром это не кончится». Но в зелёных глазах горел и азарт — будто рыжий разбойник тоже был не прочь поохотиться.

За окном снова сгущались сумерки. И до полуночи оставалось всё меньше времени — только теперь я ждала её без страха. Теперь полночь работала на меня.

Глава 3. Призрак в офисе

Наутро я приняла твёрдое решение вернуться в «Триумф-Логистик» — но уже не наивной соискательницей, а разведчицей в тылу врага. Теперь у меня было оружие: телефон с переключателем, который смастерил Вадим, и понимание того, что меня водят за нос. Главное было не податься виду, что я обо всём догадалась.

— Веди себя естественно, Тася, — сказала я своему отражению в зеркале, накладывая тушь на ресницы. — Ты простая бухгалтерша в долгах, которая рада двойному тарифу. Никаких подозрений.

Персик сидел на краю ванны и наблюдал за моими сборами с философским спокойствием. Когда я уходила, он проводил меня до двери и многозначительно мяукнул — мол, держи ухо востро.

— Не волнуйся, рыжий, — я почесала его за ухом. — Микрофон в телефоне я выключила. Пусть слушают тишину.

В офисе меня встретили как ни в чём не бывало. Виолетта, восседавшая за стойкой ресепшена, изобразила нечто отдалённо напоминающее улыбку.

— Вернулись? Аркадий Львович обрадуется. Он уж думал, вы сбежали, как Ниночка.

— Что вы, — я постаралась улыбнуться как можно безза-

ботнее. — У меня просто кот приболел. Теперь всё в порядке, готова работать.

— Кот, — фыркнула Виолетта, закатив подведённые глаза. — Из-за животного работу бросать. Ну-ну.

Я прошла в свою каморку-бухгалтерию и приступила к делу. Точнее, сделала вид, что приступила. На самом деле я внимательно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходило вокруг.

А происходило много интересного.

Во-первых, я заметила, что сотрудников в офисе раз-два и обчёлся. Кроме Бубнова и Виолетты, я насчитала всего троих: бледного молодого человека по имени Эдик, который вечно горбился над компьютером в дальнем углу; полную добродушную женщину Зинаиду Марковну из отдела договоров; и угрюмого охранника Степаныча, дежурившего у входа. Для фирмы с «оборотами в десятки миллионов» — подозрительно мало народу.

Во-вторых, атмосфера в офисе была нервная, наэлектризованная. Люди разговаривали вполголоса, постоянно оглядывались, вздрагивали от каждого шороха.

Около полудня я отправилась на маленькую кухоньку за чаем и застала там Зинаиду Марковну. Женщина стояла у окна и нервно мяла в руках бумажную салфетку.

— Здравствуйте, — приветливо сказала я. — Меня Таисия зовут, я новый бухгалтер. Временный.

— Зинаида Марковна, — представилась женщина, окинув

меня сочувственным взглядом. — Бедненькая. И вас в это болото затянуло.

— В какое болото? — я наострила уши и принялась нарочито медленно заваривать чай.

Зинаида Марковна понизила голос и придвинулась ближе.

— Странное тут место, Таисенька. Ох, странное. Вы поосторожнее.

— А что такое? — невинно спросила я.

Женщина оглянулась на дверь и зашептала:

— Призрак у нас завёлся. Ей-богу, не вру. По ночам в офисе кто-то ходит. Степаныч, охранник, божится, что слышал шаги, когда никого, кроме него, в здании не было. А ещё — звуки. Скрежет какой-то, гул, будто механизм работает. И главное — документы пропадают!

— Как пропадают? — насторожилась я.

— А вот так. Положишь папку вечером в шкаф, запрёшь — а утром её нет. Или, наоборот, появляются бумаги, которых сроду не было. У меня вот на той неделе целая стопка договоров испарилась. Я их сама в сейф убирала, своими руками! А утром — пусто. Аркадий Львович орал на меня, как резанный, будто я их украла. А куда я их дену? Я честный человек!

Я задумчиво помешивала чай ложечкой. Призрак, шаги по ночам, исчезающие документы, гул механизмов... Всё это очень напоминало не потусторонние силы, а вполне земную деятельность. Кто-то проникал в офис по ночам и хозяйни-

чал в документах. И этот кто-то, судя по всему, был тем самым «главным», который «приходит по ночам» — как писала Нина.

— А Нина, прежний бухгалтер, тоже про призрака говорила? — спросила я как бы между прочим.

Зинаида Марковна вздрогнула, и салфетка в её руках порвалась окончательно.

— Ниночка... — прошептала она. — Ниночка слишком много замечала. Она тоже эти шаги слышала. И гул. А потом стала по ночам в офисе оставаться — выследить хотела, кто это ходит. И однажды осталась... — женщина замолчала и испуганно прикрыла рот ладонью.

— И что? — я подалась вперёд.

— И на следующий день уволилась. Вся белая, трясётся, глаза безумные. Собрала вещи и убежала. С тех пор её никто не видел. Говорят, к матери уехала, да только я не верю. У неё мать давно померла, она мне сама рассказывала, что одна как перст на свете.

У меня внутри всё похолодело. Значит, моя догадка верна. Никуда Нина не уезжала. Она увидела что-то — или кого-то — в ту ночь, и это так её напугало, что она бросила всё и скрылась. Если, конечно, скрылась, а не...

Я отогнала страшную мысль.

— Зинаида Марковна, а где Нина жила, не знаете? Может, адрес есть?

Женщина посмотрела на меня с подозрением.

— А вам зачем?

— Понимаете, — я понизила голос и придала лицу заговорщицкое выражение, — я тоже кое-что заметила в документах. И хочу с ней посоветоваться, прежде чем влезать в это дело глубже. Вы же сами говорите — место опасное.

Зинаида Марковна несколько секунд колебалась, потом решилась.

— Есть у меня её адресок, — шепнула она. — Мы как-то вместе торт ей домой везли на день рождения. Улица Сиреневая, дом восемь, квартира двенадцать. Только вы это... поаккуратнее. И на меня не ссылайтесь, упаси боже.

Я поблагодарила добрую женщину и вернулась в свою камеру, лихорадочно соображая. Сиреневая, восемь, двенадцать. После работы обязательно туда наведаюсь.

Остаток дня я провела, изображая бурную деятельность и одновременно изучая всё, до чего могла дотянуться. И сделала ещё одно важное открытие.

Около пяти вечера, когда я возвращалась из бухгалтерии, мне понадобилось зайти в дальний конец коридора — там, по словам Виолетты, находился туалет. Коридор делал поворот, и за поворотом я увидела дверь, которой не замечала раньше. Простая серая дверь без таблички, запертая на массивный навесной замок. А рядом с ней — вентиляционная решётка в стене, довольно большая, у самого пола.

И вот что странно: от этой двери явственно тянуло холодом и каким-то техническим запахом — машинным маслом,

что ли, и ещё чем-то химическим, едким. Я наклонилась к решётке и принялась. Точно. Оттуда, из вентиляции, шёл этот странный запах. И ещё — едва уловимый гул, тот самый, о котором говорила Зинаида Марковна.

— Что вы тут делаете?

Я подскочила от неожиданности. За спиной стоял охранник Степаныч — здоровенный мужик с лицом, не выражавшим ровным счётом ничего.

— Туалет ищу, — пролепетала я. — Виолетта сказала, в конце коридора.

— Туалет с другой стороны, — буркнул Степаныч, недобро глядя на меня. — А сюда ходить нельзя. Тут склад. Закрыто всё.

— Извините, я заблудилась, — я поспешно ретировалась, чувствуя спиной тяжёлый взгляд охранника.

Склад. Как же. Какой склад с гулом механизмов, холодом и запахом химии? Что-то там было, за этой серой дверью. Что-то, что напрямую связано с «призраком» и ночными хождениями.

Вечером, едва дождавшись конца рабочего дня, я помчалась на улицу Сиреневую. Дом восемь оказался старенькой пятиэтажкой-хрущёвкой. Я поднялась на третий этаж и позвонила в квартиру двенадцать.

Тишина. Я позвонила ещё раз, потом постучала. За дверью — ни звука.

— Вы к Ниночке? — раздался скрипучий голос.

Из соседней квартиры выглянула старушка — божий одуванчик в цветастом халате.

— К ней, — кивнула я. — Не подскажите, она дома?

— Да нету её, милая, — запричитала старушка. — Уж недели две как нету. Уехала, видать. Хотя странно — кошку свою бросила, Мурку. Я её подкармливаю теперь, не пропадать же животине. Ниночка кошку свою обожала, никогда бы просто так не оставила. А тут — раз, и исчезла. И телефон молчит.

Сердце моё сжалось. Нина обожала свою кошку — и бросила её. Точно так же, как я никогда бы не бросила Персика. Значит, исчезла она не по своей воле. Или в страшной спешке, спасая жизнь.

— А перед тем, как исчезнуть, она ничего необычного не говорила? — спросила я. — Может, боялась чего?

Старушка пригорюнилась.

— Боялась, милая, ох как боялась. Прибежала ко мне как-то вечером, бледная вся. Попросила: «Баба Клава, если со мной что случится, передайте людям, что правда — в стене. В холодной стене за серой дверью». Я тогда подумала — заговаривается девка от усталости. А она серьёзно так сказала. И глаза такие... напуганные.

Правда — в стене. За серой дверью. Той самой серой дверью с навесным замком, от которой тянуло холодом и химией!

Я поблагодарила бабу Клаву и, окрылённая, поспешила

домой. Кусочки головоломки начинали складываться. «Призрак» в офисе, ночные шаги, исчезающие документы, серая дверь с холодом и запахом химии, и слова Нины — «правда в холодной стене».

Дома меня, как всегда, встретил Персик. Я подхватила его на руки и закружила по комнате.

— Рыжий мой, кажется, мы напали на след! Там, в офисе, есть тайная комната за серой дверью. И в ней — разгадка всего. Нина это знала. И поэтому исчезла.

Персик внимательно слушал, наклонив голову набок. А потом вдруг вывернулся из моих рук, спрыгнул на пол и потрусил к вентиляционной решётке под потолком нашей кухни — к той самой, через которую он любил лазить в гости к соседям, наводя ужас на их канарейку.

Кот сел под решёткой, посмотрел на неё, потом на меня и многозначительно мяукнул.

И тут меня осенило. Вентиляция! В офисе рядом с серой дверью была большая вентиляционная решётка у самого пола. Через шахту можно было бы заглянуть в тайную комнату, не открывая запертую дверь. Вот только человек туда не пролезет.

А кот — кот пролезет запросто.

Я посмотрела на Персика. Персик посмотрел на меня. И в его зелёных глазах я прочла полную готовность к новому приключению.

— Нет, — сказала я твёрдо. — Даже не думай. Это слиш-

ком опасно.

Но в глубине души я уже понимала, что без моего рыжего разбойника эту тайну мне не раскрыть. А за окном опять сгущались сумерки, и где-то там, за серой дверью с навесным замком, гудел свою зловещую песню неведомый механизм, храня страшную правду «Триумф-Логистик».

Глава 4. Бывший главбух

Всю ночь мне не давала покоя мысль о Нине. Где она? Жива ли? И главное — что такого страшного она увидела за серой дверью, что бросила любимую кошку и сбежала, не оглядываясь?

Утром, едва продрав глаза, я заварила себе крепкого кофе и уселась за ноутбук. Персик немедленно устроился рядом, положив рыжую голову мне на запястье, отчего печатать стало решительно невозможно.

— Рыжий, ну имей совесть, — взмолилась я. — Мне работать надо.

Кот приоткрыл один глаз, всем видом давая понять, что моя работа — ничто по сравнению с его комфортом, но всё же милостиво переполз чуть в сторону.

Я начала рыть. Если баба Клава сказала, что у Нины нет матери в деревне, значит, версия с отъездом — выдумка Бубнова. Но человек не растворяется в воздухе. Где-то Нина должна была оставить след.

Фамилию я нашла в одной из изъятых папок — Нина Сергеевна Воронцова. Я вбила её в поисковик вместе с названием города. Ничего. Потом полезла в социальные сети. И вот тут мне повезло. Среди десятка тёзок я отыскала нужную — по фотографии, на которой худенькая женщина лет сорока держала на руках ту самую серую кошку Мурку. По-

следняя запись на странице была сделана две недели назад — как раз перед исчезновением. Короткая, странная фраза: «Иногда лучший способ спрятаться — это быть на виду. Берегите себя, мои хорошие».

— Спрятаться на виду, — повторила я вслух. — Персик, что бы это значило?

Кот зевнул.

Я просмотрела её друзей, фотографии, отметки на местах. И зацепилась за одну деталь: несколько снимков были сделаны в маленьком кафе под названием «Тёплый плед» — судя по геометкам, Нина бывала там часто. Уютное местечко на тихой улочке в старом районе. На последнем фото из этого кафе она сидела за столиком у окна, а на заднем плане виднелась барная стойка и женщина в фартуке — видимо, хозяйка или официантка.

«Спрятаться на виду». А что, если Нина никуда не уехала из города? Что, если она затаилась там, где её никто не станет искать, — в обычном кафе, среди людей?

Это была тонкая ниточка, почти невесомая. Но другой у меня не было.

— Так, рыжий, — я захлопнула ноутбук. — Сегодня в офис я не пойду. Сказалась больной — пусть Бубнов думает, что у меня снова кот занемог. А мы с тобой... точнее, я одна — отправлюсь пить кофе.

Персик обиженно мяукнул, услышав, что его оставляют дома.

— Нет-нет, — погрозила я пальцем. — В кафе с котом меня не пустят. Сиди дома, охраняй квартиру. И не трогай мой новый отчёт, я тебя умоляю.

Кафе «Тёплый плед» оказалось именно таким, каким я его представляла, — крошечным, с клетчатыми скатертями, запахом корицы и геранью на подоконниках. Народу почти не было: парочка в углу да старичок с газетой. За стойкой хлопотала та самая женщина с фотографии — полная, румяная, в фартуке с вышитыми котятами.

Я заказала капучино и кусок яблочного пирога, села за столик у окна — тот самый, где когда-то сидела Нина, — и стала ждать удобного момента.

Когда женщина принесла заказ, я улыбнулась как можно теплее.

— Какое у вас уютное местечко. Прямо душа отдыхает.

— Спасибо, голубушка, — расцвела она. — Сами держим, с дочкой. Стараемся.

— Мне его одна знакомая советовала, — закинула я удочку. — Нина. Воронцова Нина. Может, помните? Она у вас часто бывала.

Лицо женщины мгновенно изменилось. Улыбка сползла, в глазах мелькнул испуг. Она быстро оглянулась на дверь.

— Не знаю никакой Нины, — пробормотала она и заспешила прочь.

Слишком быстро. Слишком испуганно. Я попала в точку. Я не стала настаивать — спугнуть было нельзя. Спокой-

но допила кофе, доела пирог, расплатилась и вышла. Но уходить не собиралась. Перейдя улицу, я устроилась на лавочке в маленьком сквере напротив, откуда хорошо просматривался вход в кафе, достала телефон и сделала вид, что увлечённо в нём копаюсь.

Ждать пришлось долго — почти два часа. Я успела продрогнуть и трижды пожалеть, что не взяла термос. Но терпение моё было вознаграждено.

Из служебной двери кафе, той, что выходила в переулок, выскользнула женщина. Она была в платке, надвинутом на лоб, в бесформенном пальто, но я узнала её сразу — по той самой худобе, по нервным, торопливым движениям. Нина. Живая.

Она быстро пошла прочь, постоянно оглядываясь. Я двинулась следом, держась на расстоянии и стараясь не выдать себя. Сердце колотилось — а вдруг заметит, вдруг бросится бежать?

Нина свернула в подворотню, прошла через двор и нырнула в подъезд старого дома. Я успела заметить, что она поднялась на второй этаж. Выждав минуту, я вошла следом. На лестничной клетке было три двери. У одной из них коврик был чуть сдвинут, будто по нему недавно прошли. Я набрала воздуха в грудь и тихо постучала.

— Нина, — позвала я негромко. — Нина Сергеевна, не бойтесь. Я не от них. Я новый бухгалтер из «Триумф-Логистик». Я нашла вашу записку.

За дверь — мёртвая тишина. Но я чувствовала: она там, стоит и слушает, затаив дыхание.

— Меня зовут Таисия, — продолжала я тихо и быстро. — Меня тоже подставили, как и вас. Подбросили телефон с жучком. Заманили на двойной тариф. Я всё поняла про печати, про фиктивные фирмы. И я знаю про серую дверь. Про холодную стену. Баба Клава мне передала ваши слова.

При упоминании бабы Клавы за дверь что-то дрогнуло. Звякнула цепочка, щёлкнул замок, и дверь приоткрылась на ширину ладони. В щели показалось бледное, измождённое лицо с огромными от страха глазами.

— Как вы меня нашли? — прошептала она.

— По кафе. По вашей странице. Вы написали — «спрятаться на виду». Я догадалась.

Нина закусила губу.

— Значит, и они могут догадаться, — голос её задрожал.

— Они не ищут так, как я, — мягко возразила я. — Им незачем. Они думают, вы либо сбежали из города, либо... — я осеклась.

— Либо лежу где-нибудь в канаве, — горько усмехнулась Нина и, после секундного колебания, сняла цепочку. — Заходите. Быстро. И на лестнице больше никого не было?

— Никого, — заверила я, проскальзывая внутрь.

Квартирка оказалась чужой, съёмной — это чувствовалось по безликой мебели и отсутствию личных вещей. На столе стояла одна чашка, лежала початая пачка успокоитель-

ного. Нина жила здесь как затравленный зверёк, вздрагивающий от каждого шороха.

— Чаю? — машинально предложила она и тут же горько добавила: — Хотя какой там чай. Рассказывайте. Как вы во всё это влипли?

Я коротко поведала ей свою историю — про письмо от имени Курочкина, про телефон, про Персика, который три ночи кряду орал в полночь и раскрыл секрет жучка. При упоминании кота Нина впервые слабо улыбнулась.

— Умный у вас зверь. Мою Мурку они бы тоже... — она не договорила, и глаза её наполнились слезами. — Как она там? Вы её видели?

— Баба Клава её кормит, — успокоила я. — Жива-здорова ваша Мурка, ждёт хозяйку.

Нина всхлипнула, вытерла слёзы ладонью и наконец заговорила. Слова полились из неё потоком — видно было, что она давно не с кем не делилась, держала весь этот ужас в себе.

— Я ведь не сразу поняла, во что вляпалась, — начала она. — Пришла обычным бухгалтером. Зарплата хорошая, начальство вежливое. А потом стала замечать: цифры не сходятся. Грузы возят — а машин нет. Деньги текут рекой — а через фирмы-однодневки. Я не дура, я схему обнала за версту чую. Поняла: «Триумф» — это прачечная. Отмывают деньги, гонят обнал, подделывают документы.

— Печати, — кивнула я. — Я заметила. Они разные.

— В том-то и дело! — Нина подалась вперёд. — У них там

целый цех. За той серой дверью. Я случайно узнала. Осталась как-то вечером допоздна — отчёт горел. И слышала гул. Пошла на звук. А дверь, которую днём всегда запирали, была приоткрыта. Я заглянула...

Она замолчала, передёрнувшись от воспоминания.

— И что там было? — затаив дыхание, спросила я.

— Печатный цех, — выдохнула Нина. — Настоящий. Станки, гравировальная машина, заготовки печатей — десятки, сотни. Они штампуют поддельные печати любых фирм, любых ведомств. И не только печати. Я видела бланки, гербовые, со всеми степенями защиты. Они подделывают документы целыми пачками — для всего города, не только для «Триумфа». Это огромная фабрика фальшивок. А холодом тянет от вентиляции и кондиционеров — станки греются, их охлаждать надо. И химией — это краски, реактивы для подделки.

У меня по спине пробежал холодок. Масштаб оказался куда страшнее, чем я предполагала.

— А Бубнов? — спросила я.

— Бубнов — пешка, — махнула рукой Нина. — Свадебный генерал, директор для виду. Есть кто-то главный, кто всем заправляет. Он приходит по ночам, когда офис пуст, проверяет цех, забирает готовую продукцию. Я слышала его шаги, его голос за дверью. Но лица не видела ни разу. Знаю только, что Бубнов перед ним по струнке ходит, заискивает, дрожит.

— И этот главный приходит в полночь, — пробормотала я.

— Около того. — Нина обхватила себя руками. — В ту ночь, когда я увидела цех, меня заметил охранник. Степаныч. Я успела убежать, но поняла — теперь я меченая. Написала записку, спрятала в архивной папке, на случай если со мной что случится. А наутро уволилась и сбежала. Бросила всё. Мурку бросила... — голос её сорвался.

— Нина, — я взяла её за холодную руку. — Почему вы не пошли в полицию?

Она посмотрела на меня как на наивного ребёнка.

— А вы уверены, что среди них нет полицейских? Документы со степенями защиты, гербовые бланки, печати ведомств... Такое не делается без крыши наверху. Я боялась, что пойду в полицию — а меня там и сдадут. Поэтому и пряталась. Поэтому и молчала.

Мы помолчали. За окном проехала машина, и Нина вздрогнула, кинув испуганный взгляд на окно.

— Значит, правда — в холодной стене, — тихо сказала я. — За серой дверью. Печатный цех — вот доказательство. Если его найти и зафиксировать, всей этой банде конец.

— Туда не пробраться, — покачала головой Нина. — Дверь стальная, замок навесной, да ещё и сигнализация. Степаныч сторожит. Я пыталась придумать, как достать доказательства, — невозможно.

И тут я вспомнила про вентиляцию. Про большую решёт-

ку у самого пола рядом с серой дверью. И про моего рыжего разбойника, который умещался в любую щель.

— А может, и возможно, — медленно проговорила я, и в голове моей начал складываться дерзкий, почти безумный план. — Если послать туда того, кто пролезет в вентиляционную шахту. Маленького. Ловкого. С хорошим зрением в темноте.

Нина непонимающе уставилась на меня.

— Вы о ком?

— О своём напарнике, — улыбнулась я. — О лучшем детективе из всех, кого я знаю. Рыжем, хвостатом и невероятно пронырливом.

Нина наконец сообразила, и в её усталых глазах впервые мелькнула слабая искра надежды.

— Вы хотите послать в цех кота?

— А почему нет? — пожала я плечами. — Камеру можно прикрепить к ошейнику. Персик пролезет через вентиляцию, заснимет цех изнутри — и у нас будут доказательства. Те самые, которых нам так не хватает.

Нина долго молчала, обдумывая.

— Это безумие, — наконец произнесла она. — Но... другого выхода я не вижу. Только умоляю — будьте осторожны. Эти люди не остановятся ни перед чем. Они и вас в порошок сотрут, и вашего кота не пощадят.

— Знаю, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё холодеет от страха и одновременно загорается азартом. — Поэтому

действовать надо тихо и наверняка.

Я записала Нинин новый номер, взяла с неё обещание никуда не пропадать и не паниковать. Выходя из квартиры, я ещё раз оглядела пустую лестничную клетку — нет ли слежки. Чисто.

Домой я возвращалась в смятении. С одной стороны, я нашла Нину — живую, невредимую. С другой — то, что она рассказала, было в сто раз страшнее моих самых мрачных догадок. Фабрика фальшивок. Таинственный главный без лица. Возможная крыша в полиции. Я ввязалась не в мелкую бухгалтерскую аферу, а в настоящее логово опасных преступников.

Персик встретил меня у порога, обнюхал мои ботинки — видимо, учуял чужие запахи кафе и съёмной квартиры — и вопросительно мяукнул.

— Нашла я её, рыжий, — сказала я, опускаясь на корточки и зарываясь лицом в тёплую шерсть. — Нашла нашу Нину. Жива. Прячется, бедная, дрожит от каждого шороха. А мы с тобой влипли по самые уши.

Кот серьёзно посмотрел на меня и лизнул в нос шершавым языком — будто утешая.

— И знаешь что? — продолжала я, поднимаясь. — У меня есть к тебе деловое предложение. Опасное. Но без тебя никак. Готов послужить родине, разбойник?

Персик прошёл к окну, вспрыгнул на подоконник и уставился в сгущающиеся сумерки — туда, где за городскими

крышами, в обшарпанном бизнес-центре, за серой стальной дверью гудел печатный цех, штампуя фальшивые печати и поддельные судьбы. Хвост его нервно подрагивал. А потом он обернулся ко мне, и в зелёных глазах я прочла знакомое, отчаянное: «Эх, хозяйка, говорил же я тебе — добром это не кончится. Но раз уж влезли — пойдём до конца».

— Вот и договорились, — прошептала я.

И до полуночи снова оставалось всё меньше времени.

Глава 5. Фальшивые печати

Вернувшись от Нины, я долго не могла уснуть. В голове крутились станки, гравировальные машины, гербовые бланки и таинственный «главный без лица». Картина складывалась всё страшнее, а доказательств у меня по-прежнему не было — только слова перепуганной женщины да папка с архивными договорами, которую я по наитию утащила из офиса в первый же день.

Папка! Я подскочила на диване так резко, что дремавший в ногах Персик обиженно мявкнул и свалился на пол.

— Прости, рыжий, — пробормотала я, хватая со стола ту самую папку «Договоры за прошлый год. Архив». — Но, кажется, мы с тобой кое-что упустили. Записку-то я нашла, а сами бумаги толком не изучила. А ведь Нина не зря именно сюда её спрятала.

Персик, ворча, запрыгнул обратно, уселся рядом и уставился на документы с видом строгого ревизора. Я включила настольную лампу поярче, вооружилась лупой, которая досталась мне ещё от бабушки, и принялась изучать каждый лист.

И чем дольше я вглядывалась, тем сильнее колотилось сердце.

Печати. Десятки печатей разных фирм — «Вектор-Плюс», «Стройинвест-Гарант», «Холдинг-Капитал» и

прочие звучные названия. На первый взгляд — обычные оттиски. Но под лупой проступала жуткая правда.

— Смотри, Персик, — зашептала я, водя лупой над бумагой. — Видишь? Вот печать «Вектор-Плюс» на договоре от марта. А вот она же — на акте от мая. Они должны быть одинаковыми, понимаешь? Одна фирма — одна печать. А они разные!

И действительно. На мартовском оттиске буква «к» в слове «Вектор» имела чуть удлинённый хвостик. На майском хвостик был короче, зато звёздочка по центру съехала влево. На июньском документе вообще ободок печати был на полмиллиметра толще.

Я разложила бумаги веером и принялась сортировать. Картина вырисовывалась отчётливая: одну и ту же печать подделывали несколько раз. Каждый раз — чуть-чуть иначе, потому что гравировали вручную или по слегка отличающимся клише. Настоящая фирменная печать всегда оставляет идентичный оттиск — её делают на специальном автоматическом оборудовании с точностью до микрона. А тут — кустарщина, пусть и высокого класса.

— Они не одну фирму подделывают, — сообразила я, холодея. — Они штампуют печати десятков фирм, и каждую — в нескольких вариантах. Потому что заказы идут потоком, и для разных клиентов режут новые клише. Поэтому оттиски и гуляют.

Персик мявкнул, будто соглашаясь, и пристукнул лапой

по особенно подозрительному акту.

— И правда, — я пригляделась. — А это что у нас?

Это был акт выполненных работ между «Триумф-Логистик» и неким ООО «Грузовик-Сервис». Под лупой я разглядела на печати «Грузовик-Сервиса»... ту же самую дефектную звёздочку, что и на печати «Вектор-Плюс»! Две якобы разные, независимые фирмы — а печати резал один и тот же мастер, на одном и том же станке, оставляя один и тот же характерный брак.

— Вот оно! — я чуть не подпрыгнула. — Персик, это же прямая улика! Если печати двух «независимых» контрагентов сделаны одной рукой, значит, фирмы фиктивные, а сделки — липовые. Это уже не мои домыслы, это доказуемо. Любая экспертиза подтвердит.

Я схватила телефон — обычный, свой, не «жучковый», тот я предусмотрительно держала в другой комнате с выключенным микрофоном — и принялась фотографировать оттиски крупным планом, подкладывая под лупу. Снимок за снимком. Мартовский «Вектор», майский «Вектор», июньский, акт «Грузовик-Сервиса» с предательской звёздочкой, договоры «Стройинвест-Гаранта»...

К двум часам ночи у меня набралась целая фотогалерея неопровержимых доказательств. Я сбросила копии в облако, на запасную почту и даже отправила архивом самой себе на третий, давно забытый ящик — на всякий случай. Бабушка моя всегда говорила: «Бережёного бог бережёт», и в свете

последних событий эта народная мудрость заиграла новыми красками.

Но это было ещё не всё. Перебирая папку дальше, я наткнулась на сложенный пополам лист, заткнутый между двумя картонными разделителями, — я бы его и не заметила, если бы Персик снова не ткнулся туда носом и не чихнул.

— Будь здоров, — машинально сказала я и вытащила лист.

Это оказался не договор. Это был обрывок какого-то внутреннего документа — то ли черновик, то ли распечатка. Список из двух колонок. В левой — названия фирм. В правой — суммы и загадочные пометки: «партия 1 — готово», «партия 2 — в работе», «спецзаказ Ф. — срочно». А внизу, от руки, торопливым почерком — той же рукой, что писала записку! — была сделана пометка: «Спросить у К. про новые бланки ФНС. Защита не сходится. Опасно».

— «К.», — прочитала я вслух. — Персик, кто такой «К.»? Курочкин? Нет, не может быть, Серёжа тут ни при чём... Какой-то другой «К.».

Кот посмотрел на меня загадочно и зевнул.

— Бланки ФНС, — продолжала я размышлять. — Налоговой службы. Они подделывают даже бланки налоговой. Со степенями защиты. А Нина заметила, что защита «не сходится» — то есть подделка несовершенна. И собиралась спросить у этого «К.». Вот, может, после этого её и...

Я не договорила. Мысль была слишком жуткой.

Зато теперь у меня на руках было кое-что посерьёзнее фотографий печатей. Список заказов фабрики фальшивок и упоминание загадочного «К.» — возможно, того самого «главного без лица».

Утром, едва рассвело, я позвонила Нине по новому номеру. Она ответила после первого же гудка — видимо, тоже не спала.

— Нина, это Тася. Послушайте, я всю ночь изучала ту архивную папку. Там не только ваша записка. Там доказательства — печати, понимаете? Я сфотографировала. Печати разных фирм сделаны одной рукой, с одинаковым браком. Это улика!

В трубке повисла пауза, потом Нина выдохнула:

— Значит, вы нашли. Я специально спрятала записку именно в эту папку — там самые показательные оттиски. Надеюсь, что тот, кто будет разбираться, догадается сравнить.

— Догадалась, — улыбнулась я. — Точнее, мне Персик подсказал. А ещё там был список. С пометкой про какого-то «К.» и бланки ФНС. Кто такой «К.», Нина?

Снова пауза, на этот раз дольше. Я слышала, как она тяжело дышит.

— Я не знаю точно, — наконец произнесла она тихо. — Но один раз... один-единственный раз я слышала, как Бубнов говорил по телефону. Поздно вечером, думал, никого нет. Он называл собеседника «Константин Эдуардович». И голос у Бубнова был такой... подобострастный, заискиваю-

щий. Я тогда не придавала значения. А потом поняла — это, наверное, он. Главный. «К.» — Константин.

— Константин Эдуардович, — повторила я, записывая. — А фамилию не слышали?

— Нет. Только имя-отчество. И ещё... — Нина замаялась. — Бубнов сказал в трубку странную фразу. «Константин Эдуардович, по бланкам налоговой защита хромает, как бы беды не вышло». А тот ему, видимо, что-то резкое ответил, потому что Бубнов сразу сник и забормотал: «Понял, понял, исправим». На следующий день меня и засекли у серой двери. Думаю, они решили, что я слишком много слышу.

Всё сходилось. Записка Нины, список из папки, подслушанный разговор. Где-то наверху сидел некий Константин Эдуардович — настоящий хозяин фабрики фальшивок, который приезжал по ночам проверять продукцию. Бубнов перед ним трепетал. А несовершенные бланки налоговой были слабым местом всей схемы.

— Нина, — сказала я решительно, — нам нужно ещё немного потерпеть. У меня есть фотографии печатей — это уже железно. Но этого мало, чтобы выйти на Константина. Нужны доказательства из самого цеха. Поэтому план с Персиком остаётся в силе.

— Только умоляю, осторожно, — взмолилась Нина.

Положив трубку, я задумалась. Фотографии печатей у меня были, и это серьёзно. Но я понимала: одних оттисков на бумаге недостаточно, чтобы прижать таких людей. Хороший

адвокат отмажет — скажет, мол, печати поставил неизвестно кто, фирма ни при чём, директор не в курсе. Нужно было застать фабрику в действии. Снять станки, клише, готовую продукцию — всё то, что Нина видела за серой дверью.

Днём я снова отправилась к Вадиму — мастеру на все руки, племяннику бабы Шуры. Парень встретил меня в своей захламлённой проводами и платами комнатёнке, протянул кружку растворимого кофе.

— Ну, тётя Тася, что на этот раз? Опять шпионские страсти?

— Вадик, — я понизила голос, хотя нас никто не слышал, — мне нужна маленькая камера. Очень маленькая. Такая, чтобы прикрепить к кошачьему ошейнику. И чтобы писала видео в темноте.

Вадим присвистнул и почесал лохматый затылок.

— Ого. Кота в разведку посылаете? Лихо. — Он порылся в ящике стола и вытащил крошечную чёрную коробочку размером с пуговицу. — Вот, есть экшен-камера, я её для квадрокоптера брал. Лёгкая, граммов двадцать. Ночной режим есть — инфракрасная подсветка, в темноте всё видно. Пишет на карту памяти. Заряда часа на два хватит.

— Идеально! — обрадовалась я. — А прикрепить к ошейнику сможешь?

— Без проблем. Сделаю крепление, чтоб объектив вперёд смотрел. Только, тёть Тась... — Вадим посерьёзnel. — Вы в какую-то совсем нехорошую историю влезли, да? Может,

в полицию надо?

— Нельзя пока в полицию, Вадик, — вздохнула я. — Есть подозрение, что у этих людей там свои уши. Сначала соберём доказательства — железные, неопровержимые. А потом уже пойдём. И не к местным, а сразу повыше.

Парень покивал, хотя видно было, что тревожится.

— Ладно. К вечеру сделаю. Но вы там поаккуратнее. И с котом тоже — жалко животину, если что.

— Не дам Персика в обиду, — твёрдо пообещала я.

Вернувшись домой, я застала рыжего разбойника за важным занятием — он сидел на подоконнике и сосредоточенно наблюдал за голубями во дворе, нервно подёргивая кончиком хвоста. Услышав меня, обернулся и вопросительно мявкнул.

— Ну, напарник, — сказала я, опускаясь рядом и почёсывая его за ухом, — дело движется. Печати мы с тобой раскусили — теперь у нас есть улики на бумаге. Завтра Вадик принесёт тебе шпионскую амуницию. А послезавтра... послезавтра нам предстоит самое опасное. Полезешь ты в логово зверя.

Персик прищурил зелёные глаза, и мне показалось, что в них мелькнуло не то опасение, не то охотничий азарт. Он потёрся головой о мою ладонь и тихо заурчал.

Я разложила перед собой распечатки сфотографированных печатей — для наглядности я их всё-таки распечатала на стареньком принтере и развесила на стене, как настоя-

ший детектив на доске расследований. «Вектор-Плюс» с гуляющей звёздочкой. «Грузовик-Сервис» с тем же дефектом. «Стройинвест-Гарант» с утолщённым ободком. И в центре — список из папки с роковой пометкой про Константина Эдуардовича и бланки ФНС.

— Знаешь, рыжий, — задумчиво проговорила я, разглядывая эту мозаику, — а ведь Нина была умница. Она не просто записку написала. Она оставила нам путеводную нить. Спрятала её именно в той папке, где собраны самые показательные подделки. Знала: тот, кто разберётся в печатях, поймёт всё остальное.

Персик спрыгнул с подоконника, прошёлся вдоль стены с распечатками, будто инспектируя мою работу, и остановился напротив листа со списком. Сел. Уставился на пометку «спецзаказ Ф. — срочно».

— «Спецзаказ Ф.», — прочитала я снова и нахмурилась. — А это ещё что? Печати — это понятно. Бланки налоговой — тоже. А «Ф.»? Что за «Ф.», Персик?

Кот повернул ко мне морду и мявкнул — коротко, требовательно, будто пытался что-то сказать.

— Не понимаю я тебя, рыжий, — развела я руками. — «Ф.» Фирма? Фамилия? Фальшивка какая-то особенная?

Я вернулась к фотографиям на телефоне, увеличила снимок списка. И вдруг заметила то, что упустила ночью. Рядом с пометкой «спецзаказ Ф.» стояла крошечная, едва различимая приписка карандашом — Нина, видимо, добавила

её позже и почти стёрла. Я прищурилась, поднесла экран к самым глазам.

«Ф. — паспорта».

У меня перехватило дыхание. Паспорта. Они подделывали не только печати и бланки налоговой. Они штамповали поддельные паспорта. А значит, масштаб преступления был ещё страшнее — это уже не просто экономическая афера, не просто отмывание денег. Это была фабрика поддельных документов, удостоверяющих личность. С такими паспортами можно было всё — открывать фирмы-однодневки, брать кредиты на чужие имена, прятать беглых преступников...

— Господи, — прошептала я, оседая на стул. — Персик, во что же мы с тобой ввязались?

Кот подошёл, запрыгнул ко мне на колени и пристально посмотрел в глаза. И в этом взгляде я прочла уже знакомое, почти человеческое: «Я же тебя предупреждал, хозяйка. С самого первого письма предупреждал. Но раз уж влезли — отступать поздно».

— Поздно, — согласилась я, прижимая к себе тёплый рыжий комочек и чувствуя, как бешено колотится моё сердце. — Ох, поздно, разбойник.

За окном медленно гасли последние отблески дня, и город погружался в сумерки. Где-то там, за серой стальной дверью в обшарпанном бизнес-центре, гудели станки, и невидимый Константин Эдуардович готовился к очередному ночному визиту — проверить, как идёт работа его адской типо-

графии.

А у меня на стене висели первые улики. На телефоне хранились фотографии печатей, выдававших всю схему с головой. И завтра мой рыжий напарник должен был получить шпионскую камеру, чтобы добыть последнее, решающее доказательство.

Я посмотрела на распечатки, на дефектные звёздочки и гуляющие ободки, на роковую пометку про паспорта — и вдруг с пугающей ясностью поняла, что обратной дороги действительно нет. Фальшивые печати привели меня к фальшивым бланкам, фальшивые бланки — к фальшивым паспортам, а те — к человеку, который ни перед чем не остановится, чтобы сохранить свою тайну.

И до полуночи, как всегда в этой истории, оставалось всё меньше времени.

Глава 6. Кот в вентиляции

День операции я запомнила до мельчайших подробностей — так запоминаются дни, когда судьба висит на волоске, тонком, как кошачий ус.

Вадим принёс камеру вечером накануне. Крошечная коробочка чёрного цвета крепилась к специально пошитому ошейнику из мягкой кожи — парень расстарался, сделал так, чтобы объектив смотрел чётко вперёд, на уровне Персиковых глаз.

— Включается вот этой кнопочкой, — объяснял Вадим, демонстрируя устройство. — Я её утопил, чтоб кот случайно лапой не выключил. Нажимаете перед делом — и всё, пишет. Карты памяти на два часа хватит. И вот ещё, тётъ Тась, — он протянул мне второй ошейник, попроще. — Сюда я маячок поставил. Будете на телефоне видеть, где ваш разбойник. Мало ли — потеряется в шахтах.

— Вадик, ты гений, — искренне сказала я.

— Гений-то гений, — вздохнул парень, — а на душе у меня беспокойно. Может, всё-таки не надо? Опасно ведь.

Персик, восседавший на столе, словно понял, что речь о нём, и важно мявкнул — мол, не отговаривай, юноша, дело решённое.

Примерять амуницию на кота оказалось отдельным аттракционом. Персик, обычно философски сносивший лю-

бые мои причуды, ошейник с камерой воспринял как личное оскорбление. Он мотал головой, валился на бок, пытался стянуть устройство задней лапой и смотрел на меня с таким укором, что я едва не отступила.

— Рыжий, ну потерпи, — уговаривала я его. — Это ради Нины. Ради Мурки. Ради того, чтобы плохих дядей посадили в тюрьму.

После получаса уговоров и трёх кусочков любимого паштета Персик смирился. Поносил ошейник по квартире, привык, перестал обращать на него внимание. К полуночи всё было готово.

План был такой. Бизнес-центр «Триумф-Логистик» формально работал до восьми вечера, но я знала: Степаныч дежурит круглосуточно, а главное действие начинается ближе к полуночи. Вентиляционная решётка у самого пола рядом с серой дверью выходила в общий коридор. Если проникнуть в здание под благовидным предлогом, выпустить Персика в шахту, дать ему добраться до цеха, снять всё на камеру — и вытащить обратно... Звучало безумно. Но другого пути не было.

Предлог я придумала загодя. Утром позвонила Бубнову и сладким голосом сообщила, что готова поработать сверхурочно — мол, отчётность горит, налоговая на носу, а я человек ответственный, посижу вечером, всё причешу. Бубнов аж замурлыкал от удовольствия:

— Вот это по-нашему, Таисия Петровна! Неболтливый и

работающий специалист — золото, а не кадр! Степанычу скажу, он вас впустит.

«Неболтливый», — мысленно усмехнулась я. Знал бы он, насколько.

К десяти вечера я была в офисе. Степаныч проводил меня тяжёлым взглядом, но пропустил. В здании стояла гулкая, недобрая тишина. Я прошла в свою каморку-бухгалтерию, разложила бумаги, включила компьютер — создала видимость работы. А в большой сумке, которую я поставила под стол, тихо сидел Персик.

Я ждала. Минуты тянулись, как резина. В половине двенадцатого по коридору протопали тяжёлые шаги — Степаныч совершал обход. Я замерла, прижав сумку к ногам. Шаги приблизились, остановились у моей двери.

— Работаете? — буркнул охранник, заглянув.

— Работаю, Степаныч, — я изобразила усталую улыбку, прикрывая собой сумку. — Цифры, будь они неладны. Ещё часок посижу.

Он хмыкнул и удалился. Я выдохнула.

Без четверти двенадцать я тихонько выскользнула в коридор. В дальнем его конце, за поворотом, темнела серая дверь. Из-за неё уже доносился знакомый гул — фабрика просыпалась. Значит, внутри кто-то был. Сердце колотилось так, что я боялась — Степаныч услышит.

Я опустила на колени перед вентиляционной решёткой, открутила барашки (заранее присмотрела, что держится она

на простых винтах) и сняла её. В лицо пахнуло холодом, машинным маслом и едкой химией. Из тёмного зева шахты тянуло тем самым запахом фальшивых денег и поддельных судеб.

— Ну, рыжий, — прошептала я, доставая Персика из сумки и нажимая кнопку на камере. Крошечный огонёк мигнул и погас — пишет. — С богом. Иди туда, всё засними и возвращайся. Я тебя жду. Не подведи, разбойник.

Персик посмотрел на меня долгим взглядом. В темноте его зелёные глаза горели двумя фонариками. Потом он лизнул меня в нос — будто на прощание — и бесшумно скользнул в шахту. Рыжий хвост мелькнул и растворился во мраке.

Я вернула решётку на место, привинтив её на один барашек для виду, и поспешила обратно в каморку — следить за маячком на телефоне. На экране светилась карта помещения и рыжая точка, которая медленно ползла по вентиляционным ходам.

Сначала всё шло гладко. Точка двигалась уверенно, забирая в сторону серой двери. Я представляла, как мой храбрый кот крадётся в тесной металлической трубе, как поблёскивают в темноте его глаза, как чутко прядают уши. Гордость и страх боролись во мне.

А потом точка остановилась.

Я смотрела на экран, не дыша. Минута. Две. Пять. Рыжая точка не двигалась.

— Ну же, Персик, — взмолилась я шёпотом. — Чего ты

встал? Давай дальше.

Точка стояла как вкопанная. И тут до меня дошло страшное: он застрял. Где-то там, в узком колене шахты, мой кот застрял и не может ни вперёд, ни назад.

Холодный пот прошиб меня с головы до ног. Я представила Персика, зажатого в ледяной трубе, в темноте, в двух шагах от логова преступников. Если он начнёт паниковать, орать — его услышат. Если не выберется — задохнётся или замёрзнет.

Я вскочила, готовая бежать к решётке, лезть туда сама, ломать стену — что угодно. Но усилием воли заставила себя сесть. Паника — худший советчик. Думай, Тася, думай.

Я тихонько подкралась обратно к решётке и приникла к ней.

— Персик, — позвала я еле слышно. — Рыжий, ты где? Не бойся, я тут.

Из глубины шахты донёсся приглушённый, жалобный мяв. Живой! Но мяв был испуганный, придушенный — кот действительно застрял.

— Спокойно, маленький, — зашептала я, чувствуя, как дрожит голос. — Не дёргайся резко. Сдай назад потихоньку. Лапками упрись. Ты же у меня ловкий, ты везде пролезешь.

Не знаю, понял ли он мои слова или просто успокоился, услышав голос хозяйки. Но мяуканье стихло, а потом в шахте раздалось шуршание, царапанье когтей по металлу. Точка на экране — я косилась на телефон — дёрнулась. Раз. Дру-

гой. И поползла!

Только не назад, к спасительной решётке. А вперёд. Упрямый разбойник, протиснувшись через узкое место, решил довести дело до конца.

— Куда ж ты, окаянный, — простонала я, но в голосе моём было больше восхищения, чем досады.

Точка добралась до цели — остановилась прямо у серой двери, точнее, за ней, в самом цеху. И замерла там надолго. Я понимала: Персик снимает. Сидит где-нибудь под потолком, у выхода вентиляции в тайную комнату, и пишет на камеру всё, что видит.

Тянулись самые# долгие минуты в моей жизни. Гул за стеной то нарастал, то стихал. Один раз слышались голоса — мужские, приглушённые. Я вся обратилась в слух, но слов разобрать не смогла. Зато ясно расслышала одну фразу, произнесённую властным, холодным тоном:

— ...к утру партия должна быть готова. Константин Эдуардович лично приедет проверять.

У меня перехватило дыхание. Константин Эдуардович. Главный. Он приедет. Сегодня ночью.

Рыжая точка на экране вдруг ожила и резво поползла обратно. Видимо, Персик, слышав людей, решил уносить лапы. Я бросилась к решётке, на ходу откручивая единственный барашек.

— Давай, рыжий, давай, — бормотала я как заклинание. Узкое колено, где он застрял на пути туда, теперь подда-

лось легче — то ли кот изловчился, то ли с перепугу стал тоньше. Шуршание приближалось. И вот из тёмного зева шахты вынырнула рыжая морда с прижатыми ушами и вытаращенными глазами. Персик пулей вылетел наружу, прямо мне в руки, и прижался к груди, дрожа всем телом. Сердечко его колотилось как бешеное.

— Умница моя, — выдохнула я, прижимая кота и одновременно лихорадочно привинчивая решётку на место. — Храбрый ты мой, золотой, рыжий герой. Всё, всё, кончилось.

Камеру на ошейнике я выключила трясущимися пальцами. Зажав Персика под мышкой, а сумку перекинув через плечо, я метнулась обратно в каморку. Едва я успела плюхнуться на стул и сделать вид, что углубилась в отчёт, как в коридоре снова раздались шаги Степаныча.

— Заканчиваете? — он сунул нос в дверь. И вдруг нахмурился: — А это что у вас? Кошка?

Сердце моё ухнуло в пятки. Персик, которого я не успела спрятать, восседал у меня на коленях с самым невозмутимым видом.

— А, это... — я постаралась улыбнуться как можно естественнее. — Кот мой, Персик. Понимаете, Степаныч, дома оставить не с кем, он у меня болеет, нервный весь. Вот, взяла с собой, чтоб под присмотром был. Он тихонький, не помещает. Я завтра уже без него.

Степаныч подозрительно оглядел кота. Персик в ответ посмотрел на охранника с таким царственным презрением, с

таким видом оскорблённого аристократа, что у того, видимо, отпали последние сомнения. Ну какой шпион потащит на дело кота?

— Смотрите у меня, — буркнул Степаныч. — Чтоб не гадил тут. И заканчивайте, поздно уже.

— Уже сворачиваюсь, — заверила я.

Едва он ушёл, я выключила компьютер, собрала бумаги, сунула Персика в сумку и, стараясь не бежать, покинула проклятое здание. Степаныч выпустил меня, что-то проворчав на прощание. Только оказавшись на улице, в спасительной темноте, я позволила себе перевести дух.

Такси я ловить не стала — боялась слежки. Прошла два квартала пешком, петляя проходными дворами, как учила меня осторожная Нина, и только потом села в машину.

Дома, заперев дверь на все замки, я первым делом выпустила Персика. Он выбрался из сумки, отряхнулся, прошёлся по комнате, восстанавливая поправленное достоинство, и потребовал еды — громко, возмущённо, будто выставляя счёт за пережитый стресс. Я выдала ему двойную порцию любимого паштета и целое блюдо сметаны.

— Заслужил, разбойник, — приговаривала я, глядя его по рыжей спинке. — Ох как заслужил.

А потом, дрожа от нетерпения, подключила камеру к ноутбуку.

Запись была тёмной, дёрганой, снятой под немыслимыми углами — то потолок, то стенка шахты, то пол. Но в какой-то

момент Персик, видимо, выбрался к самой решётке вентиляции, выходявшей в тайную комнату, — и я увидела ЭТО.

Цех. Самый настоящий подпольный печатный цех. В зеленоватом свете инфракрасной подсветки проступали очертания станков — гравировальная машина, печатный пресс, ламинатор. На длинных столах рядами лежали заготовки — десятки, сотни печатей. Стопки бланков с гербами. А в углу — то, от чего у меня похолодело внутри: целая пачка готовых паспортов, разложенных веером, как карты.

И люди. Двое в синих рабочих халатах склонились над станком. А третий — высокий, в дорогом пальто, стоял к камере спиной и отдавал распоряжения. Лица его видно не было, но осанка, повелительный жест руки, та самая фраза про «к утру партия должна быть готова»...

— Персик, — прошептала я, не отрывая глаз от экрана. — Ты заснял их логово. Всё заснял. Станки, паспорта, людей. Ты гений. Ты лучший детектив на свете.

Кот, наевшийся и довольный, запрыгнул на стол, посмотрел на экран, где застыл кадр с подпольным цехом, и брезгливо отвернулся — мол, насмотрелся уже на эту гадость вживую, хватит. Потом свернулся клубочком прямо у клавиатуры и впервые за эту безумную ночь спокойно, по-домашнему заурчал.

Я скопировала бесценную запись — снова в облако, на почту, на флешку, которую тут же спрятала в банку с крупой. Бережёного бог бережёт.

Часы показывали половину третьего ночи. За окном царил тьма, и где-то в промзоне, в обшарпанном бизнес-центре, всё ещё гудел печатный цех — Константин Эдуардович приехал проверять партию. Но теперь у меня было против него оружие страшнее любого пистолета. У меня было видео.

Я погладила спящего Персика и прошептала:

— Ну всё, рыжий. Теперь им конец. Осталось только донести это куда надо. И сделать так, чтобы нас с тобой раньше времени не сожрали.

Кот, не открывая глаз, дёрнул ухом — будто отвечая: «Я же говорил, хозяйка, что добром это не кончится. Но раз уж дошли до середины — дойдём и до конца».

А до рассвета, как и до развязки этой истории, оставалось всё меньше времени.

Глава 7. Шантаж по телефону

Утро после ночной операции выдалось обманчиво мирным. Я проспала почти до полудня — впервые за эту безумную неделю провалилась в сон без сновидений, словно меня выключили. Разбудил меня Персик, требовательно топчась по моей груди и заглядывая в лицо: мол, хозяйка, завтрак сам себя не насыплет.

— Иду, иду, герой, — пробормотала я, потягиваясь.

Тело ныло от пережитого напряжения, но на душе впервые за долгое время было светло. У меня было видео. Настоящее, неопровержимое доказательство — подпольный цех, станки, паспорта, люди. Теперь оставалось только грамотно распорядиться этим богатством: найти честного человека в правоохранительных органах, желательно повыше и подальше от местных, и передать материалы. И тогда всей этой гнили придёт конец.

Я насыпала Персику корма, заварила кофе и села составлять план. Нужен был выход на серьёзную инстанцию. Я вспомнила, что у Серёжи Курочкина был знакомый — кажется, работал то ли в следственном комитете, то ли в управлении по экономическим преступлениям в областном центре. Вот к нему бы и обратиться. Через Серёжу, по-тихому.

Только я потянулась к телефону, чтобы позвонить Курочкину, как аппарат зазвонил сам. Не «жучковый» — мой

обычный, личный. Номер высветился незнакомый, городской.

Сердце ёкнуло. Я медлила. Персик, уплетавший корм, вдруг замер, поднял голову и насторожил уши, уставившись на телефон. Шерсть на загривке у него чуть приподнялась.

Я нажала «ответить» и поднесла трубку к уху, не говоря ни слова.

— Таисия Петровна, — раздался спокойный, ровный мужской голос. Незнакомый. Низкий, бархатистый, с какими-то ледяными нотками. — Доброе утро. Хорошо ли спалось?

— Кто это? — выдавила я, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Это неважно, — отозвался голос всё так же ровно. — Важно другое. Важно то, что вы, голубушка, суёте свой хорошенький носик туда, куда совать его не следовало бы. Очень не следовало бы.

У меня всё похолодело внутри. Я узнала эту манеру — не по голосу, голос я слышала впервые, а по интонации. Так говорил человек, привыкший повелевать. Так, по словам Нины, говорил он. Главный. Константин Эдуардович.

— Я не понимаю, о чём вы, — я постаралась, чтобы голос не дрожал, но получилось скверно. — Я обычный бухгалтер. Меня наняли привести в порядок отчётность, я её и привожу.

— Бросьте, Таисия Петровна, — в голосе послышалась

лёгкая, почти отеческая укоризна. — Мы с вами взрослые люди. Не будем играть в наивность. Бухгалтер, который моет по съёмным квартирам в старых районах. Бухгалтер, который пьёт кофе в кафе «Тёплый плед» и подолгу сидит в сквере напротив. Бухгалтер, который остаётся в офисе за полночь и таскает с собой кота. Прелестный, кстати, кот. Рыжий. Персик, кажется?

Меня будто окатили ледяной водой. Они знали. Они знали всё. Про кафе, про слежку за мной, про то, что я нашла Нину, — а значит, теперь и Нина снова в опасности! Про кота. Про то, что я была в офисе ночью.

Персик, словно почувствовав, что речь зашла о нём, прыгнул со стула, подошёл ко мне вплотную и прижался к ноге, тихо, грозно урча. Я машинально опустила руку и зарылась пальцами в тёплую шерсть — это придало мне сил.

— Что вам нужно? — спросила я уже твёрже.

— О, наконец-то деловой разговор, — в голосе зазвучало удовлетворение. — Мне нужно немного. Совсем немного, Таисия Петровна. Чтобы вы остановились. Чтобы вы забыли дорогу в «Триумф-Логистик». Чтобы вы вернули папку, которую так неосмотрительно прихватили в первый день, — да-да, мы заметили пропажу, не сразу, но заметили. Чтобы вы стёрли всё, что успели насобирать. И чтобы вы — это самое главное — держали свой очаровательный ротик на замке. Навсегда.

— А если нет? — я сама удивилась собственной дерзости.

В трубке повисла короткая пауза. А потом голос стал тише — и оттого ещё страшнее.

— А если нет, Таисия Петровна, то с вами случится беда. Большая беда. Знаете, вы ведь совсем одна на свете. Ни мужа, ни детей, ни близкой родни. Квартирка от бабушки, которая долги по коммуналке. Никто и не хватится сразу, если вы вдруг исчезнете. Как исчезла, скажем, ваша предшественница. Кстати, очень зря вы её нашли. Очень зря. Теперь и она снова на карандаше.

— Не трогайте Нину, — прошипела я.

— Это зависит исключительно от вас, голубушка, — мягко ответил голос. — Вы человек неглупый, цифры считать умеете. Посчитайте и это: ваша жизнь, жизнь вашей новой подруги Нины, жизнь этого облезлого рыжего кота — против чего? Против чужих тайн, которые вас совершенно не касаются. Невыгодная арифметика, не находите? Бросьте всё. Сожгите папку. Удалите файлы. Уезжайте куда-нибудь на пару недель к морю — отдохните, я даже готов оплатить, в качестве компенсации за беспокойство. И живите себе спокойно дальше. Договорились?

Я молчала, лихорадочно соображая. Главное — не выдать, что у меня есть видео. Если они узнают про запись из цеха, они уже не ограничатся угрозами. Они придут. Сегодня же.

— Мне нужно подумать, — выдавила я.

— Разумеется, — голос потеплел, будто я была капризным ребёнком, которому пообещали конфету. — Думайте.

Даю вам сутки. Завтра в это же время я перезвоню. И вы дадите мне правильный ответ. Очень вас прошу, Таисия Петровна, будьте умницей. Мне бы не хотелось огорчать такую милую женщину. И такого славного кота. До свидания.

Раздались гудки. Я опустила телефон и обнаружила, что рука у меня дрожит мелкой дрожью. Персик смотрел на меня снизу вверх, и в его зелёных глазах читалась тревога.

— Они всё знают, рыжий, — прошептала я, опускаясь на пол рядом с котом и обнимая его. — Про Нину знают. Про тебя. Следили за каждым моим шагом. Господи, какая же я дура — таскалась по городу, думала, что хитрая, а они вели меня, как охотники зайца.

Персик лизнул меня в подбородок и тихонько мяукнул — будто говоря: «Не раскисай, хозяйка. Раскисать некогда».

И он был прав. Я заставила себя собраться. Слезы и паника — потом. Сейчас нужно действовать, быстро и чётко.

Первым делом — Нина. Если они снова взяли её на карандаш, нужно срочно предупредить. Я схватила телефон и набрала её новый номер. Один гудок, второй, третий... Сердце колотилось. Наконец она ответила — испуганным шёпотом:

— Алло?

— Нина, это Тася. Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Они вышли на меня. Звонил он — Константин. Угрожал. И он знает, что я вас нашла. Знает про съёмную квартиру. Вам нужно немедленно уходить оттуда. Прямо сейчас, понимаете? Соберите самое необходимое и уходите.

В трубке раздался сдавленный всхлип.

— Я так и знала, — пролепетала Нина. — Я чувствовала. Куда же мне идти, Тася? У меня больше нет мест. Денег почти нет...

Я зажмурилась, соображая. И вдруг вспомнила.

— Баба Шура, — выпалила я. — Моя соседка. У неё есть пустая дача за городом, она туда только летом ездит. Глухое место, тихое, никто вас там искать не станет. Я сейчас договорюсь. Доезжайте до станции... — я быстро продиктовала ей, как добраться, и название платформы. — Я подъеду туда через два часа, привезу ключ и провожу. И денег привезу, у меня немного отложено. Только умоляю — выходите из квартиры прямо сейчас. Не медлите.

— Хорошо, — выдохнула Нина. — Спасибо, Тася. Спасибо.

Положив трубку, я метнулась к бабе Шуре. Старушка, к счастью, оказалась дома, выслушала мою сбивчивую, наполовину выдуманную историю про знакомую, которой негде жить из-за злого мужа-тирана, прониклась и без лишних вопросов отдала ключ от дачи.

— Конечно, пускай поживёт, бедняжка, — закудаhtала баба Шура. — Знаю я этих окаянных мужиков. А дача всё одно пустая стоит. Ты, Таисенька, только цветочки там полей, если что.

— Полюю, баба Шура, обязательно полюю, — пообещала я, чмокнув её в морщинистую щёку.

Вернувшись к себе, я заметалась по квартире. Видео! Главное — обезопасить видео. Одна копия уже была в облаке, вторая на почте, третья на флешке в банке с крупой. Но этого мало. Если они придут и перевернут квартиру вверх дном, флешку могут найти. Я достала её из крупы, завернула в полиэтилен и, выйдя на лестничную клетку, спрятала за батареей этажом ниже — приклеила скотчем к её тыльной стороне. Туда никто не полезет.

Потом я задумалась о том, что сказал Константин. Он дал мне сутки. Сутки на размышление. Это была и угроза, и — как ни странно — подарок. Сутки форы. За эти сутки нужно было успеть передать материалы тому, кто сможет дать делу ход. И сделать это так, чтобы преступники не догадались, пока не станет слишком поздно.

Я снова взялась за телефон и набрала Курочкина.

— Серёжа, — сказала я без предисловий, едва он ответил, — мне нужна твоя помощь. Очень нужна. Тот твой знакомый, который в области, в органах работает, — он ещё там? Ты говорил когда-то...

— Майор Гордеев? — Серёжа сразу посерьёзnel, видимо, по голосу понял, что дело нешуточное. — Там, в управлении по экономической безопасности. А что стряслось, Тася? Ты во что-то вляпалась?

— Вляпалась, Серёж. По самые уши. Помнишь «Триумф-Логистик», про который я спрашивала? Это не просто мутная контора. Это фабрика фальшивок — печати, доку-

менты, паспорта. У меня есть доказательства. Видео, фотографии. Но местным идти нельзя, у них там крыша. Мне нужен честный человек повыше. Твой Гордеев — он честный?

— Гордеев — кремень, — без колебаний ответил Курочкин. — Его за честность из города в область и сослали в своё время, начальству неудобному стал. Тася, если у тебя правда есть доказательства — это к нему. Только... ты понимаешь, во что ввязалась? Это же опасно.

— Понимаю, — вздохнула я. — Серёж, организуй мне встречу с ним. Срочно. Завтра, послезавтра — как можно скорее. Но тихо. Без шума. Мою линию, возможно, слушают.

— Сделаю, — твёрдо сказал Курочкин. — Перезвоню с другого номера. Держись, Тася.

Я выдохнула. Дело сдвинулось. Появилась надежда.

Персик, всё это время крутившийся под ногами, вдруг вспрыгнул на подоконник и застыл, глядя во двор. Шерсть на нём встала дыбом, и он издал тот самый низкий, утробный звук — почти рычание, который я уже научилась распознавать как сигнал тревоги.

Я подошла к окну и осторожно выглянула из-за занавески.

Внизу, у соседнего подъезда, стояла чёрная машина с тонированными стёклами. Незнакомая. Чужая в нашем дворе, где обитали только старенькие «Жигули», да побитые жизнью иномарки соседей. Двигатель работал — над выхлопной трубой подрагивал лёгкий дымок. В машине кто-то сидел. Ждал.

— Уже здесь, — прошептала я, чувствуя, как ледяная игла страха пронзает позвоночник. — Они уже следят за домом, рыжий.

Сутки на размышление, как же. Они и не думали ждать. Они хотели убедиться, что я никуда не дёрнусь, что я испугалась и сижу тихо. А может, просто держали меня под колпаком, готовые в любой момент перейти от слов к делу.

Мысль о том, что мне нужно ехать к Нине, на станцию, везти ей ключ и деньги, обожгла меня. Если я выйду сейчас, чёрная машина двинется за мной. И приведёт их прямо к Нине, прямо к даче бабы Шуры. Я своими руками сдам и себя, и её.

Нужно было уходить незаметно. Страхнуть хвост.

Я лихорадочно соображала. Из нашего двора был только один выезд для машин — мимо чёрной иномарки. Но для пешеходов имелась ещё лазейка: дыра в заборе за мусорными баками, через которую можно было выйти на параллельную улицу, к остановке. Соседская ребятня годами этим пользовалась.

— Так, Персик, — я повернулась к коту, и в голове моей уже созрел отчаянный план. — Тебя я с собой не возьму — слишком приметно. Останешься дома, охранять флешку. Точнее, не дома...

Я не могла оставить его в квартире. Если они ворвутся, пока меня нет, — что они сделают с котом? Вспомнились слова Константина про «облезлого рыжего кота» и зловещее

«это зависит от вас». Нет. Персика я им не отдам.

Я отнесла кота к бабе Шуре, наказав ей запереться и никому, кроме меня, не открывать. Старушка, напуганная моим видом, закивала и прижала Персика к груди. Кот, против обыкновения, не сопротивлялся — будто понимал, что так надо. Только посмотрел на меня долгим, тревожным взглядом: «Ты уж там поосторожнее, хозяйка».

— Я скоро вернусь, рыжий, — пообещала я, потрепав его по голове. — Жди.

Натянув старую неприметную куртку с капюшоном, которую обычно надевала выносить мусор, я выскользнула из подъезда с чёрного хода, прошмыгнула за мусорными баками, протиснулась в знакомую с детства дыру в заборе — и оказалась на параллельной улице. Чёрная машина осталась караулить парадный вход, не подозревая, что мышка уже выскользнула из мышеловки.

Сердце колотилось, но я заставляла себя идти спокойно, не оглядываясь, как обычная прохожая. Доехала на маршрутке до вокзала, там пересела на электричку, по дороге трижды проверившись — нет ли слежки. Чисто.

На условленной платформе меня уже ждала Нина — сжавшаяся, бледная, с одной-единственной сумкой в руках, она куталась в платок и вздрагивала от каждого звука. Увидев меня, она чуть не расплакалась от облегчения.

— Я думала, вы не приедете, — прошептала она. — Думала, они вас...

— Жива, как видите, — я попыталась улыбнуться, протягивая ей ключ от дачи и конверт с деньгами. — Вот, держите. Адрес я написала. Дача глухая, тихая, поживёте пока там. А я нашла честного человека — майора в области. Завтра передам ему все доказательства. Потерпите ещё чуть-чуть, Нина. Совсем чуть-чуть осталось.

Нина схватила мою руку и крепко сжала.

— Будьте осторожны, Тася. Они страшные люди. Этот Константин... вы не представляете, на что он способен.

— Представляю, — тихо ответила я, вспомнив ледяной голос в трубке. — Уже представляю.

Проводив Нину на электричку до нужной станции и убедившись, что за ней никто не увязался, я отправилась обратно. Уже темнело. В сумерках город казался чужим и враждебным, в каждой подворотне мерещилась чёрная машина, в каждом прохожем — соглядатай.

Я думала о завтрашней встрече с майором Гордеевым, которую вот-вот должен был назначить Серёжа. Думала о видео, спрятанном за батареей. Думала о Персике, который ждал меня у бабы Шуры. И о том, что Константин дал мне сутки — а значит, главная схватка ещё впереди.

Телефон в кармане завибрировал. Курочкин, с нового номера. Короткое сообщение: «Завтра в 11. Гордеев примет. Адрес скину перед встречей. Будь осторожна».

Я перевела дух. Завтра. Осталось продержаться одну ночь.

Одну ночь — и до полуночи, как всегда в этой истории, оставалось всё меньше времени.

Глава 8. Тайный сейф

Встреча с майором Гордеевым была назначена на одиннадцать утра в неприметной кофейне на тихой улочке областного центра — подальше от любопытных глаз. Я выехала затемно, снова петляя и проверяясь, оставив Персика на попечение бабы Шуры. Расставаться с рыжим напарником было тяжело, но тащить кота на конспиративную встречу — верх безрассудства.

Гордеев оказался мужчиной лет сорока пяти, с твёрдым подбородком, усталыми, но цепкими глазами и манерой говорить коротко, по существу. Серёжа не соврал — кремень. Я выложила перед ним всё: фотографии печатей, копию записки Нины, список с пометками про Константина Эдуардовича, паспорта и бланки ФНС. А главное — показала видео из цеха.

Гордеев смотрел запись молча, и желваки на его скулах ходили ходуном. Когда экран погас, он долго молчал, постукивая пальцами по столу — точь-в-точь как Бубнов, только без перстней и без фальшивой улыбки.

— Таисия Петровна, — наконец произнёс он, — вы хоть понимаете, что натворили? Вы в одиночку, с котом, добыли то, над чем мы бьёмся полтора года. Мы знали, что в городе работает крупная фабрика фальшивок. Знали, что есть некий координатор — «архитектор», как мы его прозвали.

Но выйти на него не могли. У него везде глаза и уши. В том числе, — он понизил голос, — и в местной полиции.

— Я так и думала, — кивнула я. — Поэтому к местным и не пошла.

— И правильно сделали. — Гордеев впервые чуть смягчился. — Так. Видео — это прекрасно. Но для суда нам нужно больше. Нужен сам архив. То, что они хранят: «чёрная» бухгалтерия, клиентская база, образцы, компромат на покровителей. Без этого «архитектор» выскользнет — спишет всё на стрелочников вроде Бубнова.

И тут я вспомнила. Слова Нины. «Правда — в холодной стене за серой дверью». Я-то думала, она про печатный цех. Но что, если за этим скрывалось что-то ещё? Что-то поглубже?

— Кажется, я знаю, где искать, — медленно проговорила я.

В тот же день мы разработали план. Гордеев не имел права врываться в офис без санкции — слишком велик риск утечки, спугнём «архитектора». Поэтому решили действовать тоньше: я под прежним предлогом сверхурочной работы проникну в офис ещё раз, найду хранилище и подам сигнал. А группа Гордеева будет наготове поблизости.

— Только без самостоятельности, — строго предупредил майор. — Нашли — сразу сигнал, и ждёте нас. Никакого геройства. Эти люди убивают, Таисия Петровна. Вашу предшественницу искали по всему городу не для того, чтобы вер-

нуть ей кошку.

— Поняла, — пообещала я. И, конечно, в глубине души уже знала, что без Персика никуда не пойду. Мой рыжий детектив чуял опасность лучше любого прибора.

Вечером я снова позвонила Бубнову. Голос мой источал мёд и преданность:

— Аркадий Львович, простите за вчерашнее, кот совсем расхворался. Но отчётность-то горит! Можно я сегодня вечером ещё посижу, доделаю? Премия ведь обещали, а я её честно отработать хочу.

— Золото вы, а не человек, Таисия Петровна! — расцвёл Бубнов в трубку. — Конечно, посидите. Степаныч впустит.

В голосе его я уловила нечто похожее на злорадство — видимо, он считал, что я испугалась угроз Константина и теперь стелюсь, заглаживаю вину. Что ж, пусть так думает. Тем лучше.

К десяти вечера я снова была в офисе — с сумкой, в которой тихо сидел Персик. На этот раз я не стала прятать его слишком тщательно: если что, скажу, что кот болеет, взяла под присмотр, Степаныч уже видел и привык. Главное — рыжий нюх был при мне.

В офисе стояла знакомая зловещая тишина. Я прошла в каморку, выпустила Персика и шепнула:

— Ну, напарник, ищи. Где-то здесь они прячут самое главное. Холодная стена, помнишь? Ищи, рыжий.

Персик повёл носом, спрыгнул на пол и деловито потру-

сил в коридор. Я двинулась следом, держа наготове телефон с открытым чатом Гордеева. Кот провёл меня мимо серой двери цеха — оттуда привычно тянуло холодом и химией, но Персик едва повёл ухом, не задержавшись. Значит, не здесь. Цех — это производство, а хранилище — отдельно.

Мы дошли до самого конца коридора, до кабинета Бубнова. Дверь была закрыта, но Персик уверенно сел возле неё и требовательно мявкнул. Замок оказался простеньким — я открыла его шпилькой, благо в студенческие годы научилась этому нехитрому искусству, запираясь от соседок по общеджитию.

Кабинет тонул в темноте. Я не стала включать свет — посветила фонариком телефона. Купеческая роскошь, стол красного дерева, кожаные кресла. Персик прошёлся по кабинету, обнюхивая стены, и вдруг застыл у дальней стены. Кот принялся скрести лапой по деревянной панели, которой была обшита стена, и утробно заурчал.

Я подошла, провела ладонью по панели. И почувствовала. Холод. От этого участка стены тянуло холодом — едва заметным, но ощутимым. «Правда в холодной стене». Вот оно!

Я принялась ощупывать панель, ища механизм. Простукивала, нажимала. За картиной в массивной раме — пошлым натюрмортом с фазанами — обнаружилась кнопка. Я нажала.

С тихим гидравлическим шипением часть стены отъехала в сторону, открыв нишу. А в нише — массивную стальную

дверь сейфовой комнаты с кодовым замком и сканером. От неё-то и веяло холодом: внутри работал кондиционер, под-держивая нужную температуру для хранения документов и реактивов.

— Персик, ты гений, — выдохнула я.

Сердце колотилось. Я уже потянулась к телефону, чтобы дать сигнал Гордееву — нашла, мол, приезжайте. Но в этот момент Персик снова подал голос — тревожный, предупреждающий. Шерсть на нём встала дыбом, он развернулся мордой к двери кабинета и зашипел.

Я обернулась — и обомлела. В дверях стоял Степаныч. А рядом с ним — Виолетта, та самая секретарша с башней на голове. Только сейчас на её лице не было ни тени глупого жеманства. Глаза смотрели холодно, расчётливо, цепко.

— А я всё гадала, когда же вы сюда доберётесь, Таисия Петровна, — произнесла Виолетта, и голос её звучал совсем иначе — низко, властно. — Любопытная вы наша. Прямо как Ниночка.

Меня будто обухом по голове ударили. Виолетта. Дурочка-секретарша, на которую я и внимания-то не обращала. Вот кто всё это время был глазами и ушами в офисе. Вот кто следил за мной, докладывал «наверх».

— Так это вы... — пробормотала я.

— Это я, — кивнула она с холодной улыбкой. — Знаете, людей всегда обманывает внешность. Высокая причёска, накладные ресницы, глупый смех — и никто не воспринима-

ет тебя всерьёз. Очень удобно. Бубнов — пешка, свадебный генерал. А реально делами тут заведу я. Ну, и Константин Эдуардович, разумеется. Я его, как бы это сказать, доверенное лицо.

Степаныч надвинулся, перекрывая выход своей тушей. Я попятилась, прижавшись к холодной стене у открытого сейфа. Персик метнулся ко мне и встал между мной и охранником, выгнув спину и шипя как маленький разъярённый дракон.

— Какой боевой котик, — насмешливо протянула Виолетта. — Степаныч, забери у неё телефон.

Степаныч шагнул ко мне, протягивая лапищу. Но я успела сделать главное — ещё до того, как они вошли, мой большой палец как бы невзначай лежал на кнопке отправки. Я нажала. Заранее набранное сообщение Гордееву — «Нашла. Кабинет директора. Засада. Срочно» — ушло. Я только не была уверена, успело ли.

Степаныч вырвал у меня телефон, мельком глянул на экран и зло выругался:

— Виолетта, она кому-то писала! Отправила сообщение! Лицо Виолетты впервые дрогнуло.

— Кому?! — она подскочила ко мне, схватила за плечи и встряхнула. — Кому ты написала, дрянь?!

— Поздно, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сюда уже едут. Из области. Управление по экономической безопасности. У них есть всё — видео из вашего це-

ха, фотографии печатей, показания Нины. Вам конец, Виолетта. И вам, и Бубнову, и вашему драгоценному Константину Эдуардовичу.

Виолетта побледнела под слоем макияжа. Она лихорадочно соображала, и я видела, как в её глазах паника борется с расчётом.

— Блефует, — наконец прошипела она. — Откуда у неё видео из цеха? Туда мышь не проскользнёт.

— Мышь — нет, — я нашла в себе силы усмехнуться и кивнула на Персика. — А кот — проскользнул. Через вентиляцию. С камерой на ошейнике. Заснял всё: станки, паспорта, людей. И вашего хозяина в дорогом пальто — со спины, правда, но осанку-то не подделаешь.

Персик, словно поняв, что речь о его подвиге, гордо мявкнул и сверкнул зелёными глазами.

Виолетта смотрела на кота с расширившимися от ужаса глазами. Видимо, до неё начало доходить, что эту партию они слили рыжему коту и бухгалтерше в долгах.

— Степаныч, — выдавила она наконец, и в голосе её зазвучали истеричные нотки. — Открывай сейф. Быстро! Забираем главный архив и компромат на Константина Эдуардовича — на случай, если он вздумает нас сдать. И уходим. Чёрным ходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.